

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Журавлёв В.В. Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина // Юридические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75789 EDN: XNWPJ1 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75789

Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина

Журавлёв Владислав Витальевич

ассистент; институт права, социального управления и безопасности; Удмуртский государственный университет

426034, Россия, Удмуртская Респ, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

✉ ian.cupola@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.9.75789

EDN:

XNWPJ1

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2025

Дата публикации:

23-09-2025

Аннотация: Действующее в России правовое регулирование несостоятельности в случае смерти гражданина нередко называется в литературе «банкротством наследственной массы». Данная формулировка позволяет исследователям соответствующей процедуры обосновать восстановление правоспособности умершего, фактически признавая его субъектом права в банкротстве на определённый промежуток времени до распределения имущества между кредиторами. Подобное «воскрешение» гражданина, исходя из буквального толкования пункта 4 статьи 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», порождает правовое последствие якобы в виде сепарации имущественных масс, и, как следствие, конкуренцию кредиторов наследника с кредиторами наследодателя и неограниченную ответственность правопреемника по чужим долгам. Данное положение наследника

находится в очевидном противоречии с действующей нормой пункта 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации, что вынудило правоприменителя определить статус наследников в обозначенной процедуре банкротства как исключительно процессуальный. Проблема изложенного подхода состоит в вынесении наследника, имеющего имущественный интерес по отношению к наследству, «за скобки» процедуры несостоятельности. В этой связи, обращаясь к работам классиков частного права и сравнительному правоведению (английское и немецкое право), для определения статуса наследника в процедуре банкротства наследодателя необходимо провести ревизию законодательного материала, его научного осмыслиения и практического применения в отношении реализации принципа ограниченной ответственности по долгам несостоятельного гражданина. Автор, с учётом установления целей отечественного регулирования банкротства умершего, предлагает отказаться от идеи признания наследнику статуса фиктивного должника. С помощью принципа ограниченной ответственности по долгам наследодателя обосновывается вывод о том, что автоматического «смешения» имущества при вступлении в наследство не происходит. Наследник должен восприниматься как обладатель двух масс – личной и наследственной – вне зависимости от судьбы перешедшего к нему имущества. Такое понимание накладывает на правопреемника обязанность по «ликвидации» наследства, обладающую характером конкурсного процесса. Основной вывод об априорной обособленности имущества привносит последовательность в толкование действующего регулирования: исключается конкуренция между кредиторами, предлагаются основания для возникновения личной ответственности правопреемника, сохраняются взаимные обязательства. Но, самое главное, фигура наследника определяется в качестве ключевой для исследуемой процедуры.

Ключевые слова:

наследственное право, правопреемство, несостоятельность, наследник, умерший гражданин, должник, наследственная масса, кредиторы наследодателя, сепарация, ограниченная ответственность наследника

Введение

В 2015 году вступила в действие статья 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), вновь закрепившая возможность введения процедур банкротства в отношении умерших граждан. Регулирование такого вида несостоятельности без корректного представления об особенностях наследования невозможно. Для проведения надлежащей процедуры крайне важно определить: объём несостоятельного наследства, правовой статус кредиторов и наследников в процедуре, формы реализации прав субъектов, участвующих в наследовании.

Согласуются ли нормы о роли наследников в банкротстве с положениями о наследственном преемстве? В пункте 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве закреплено, что права и обязанности в процедуре несостоятельности гражданина в случае его смерти осуществляет наследник. Толкование данной нормы представляется затруднительным в связи с тем, что законодатель отдельно не указал: заменяется ли личность умершего персоной правопреемника? Имеет ли норма Закона о банкротстве специальный характер по отношению к правовому регулированию ограничения ответственности наследников по долгам наследодателя?

В абзаце втором пункта 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) установлено, что наследник несёт ответственность лишь в пределах стоимости передшедшего к нему имущества умершего. Можно сделать вывод: долги в части, которую размер наследства не покрывает, не подлежат погашению за счёт личного имущества правопреемника в силу установленного законом ограничения.

Ориентируясь на такое умозаключение, разработчики поправок в закон о банкротстве могли предположить, что норма статьи 1175 ГК РФ регулирует общий порядок наследования, то есть не учитывает состояние неплатёжеспособности наследодателя. Возможно, по этой причине правовое регулирование несостоятельности в случае смерти гражданина ориентировано на иную модель – неограниченной ответственности по долгам наследодателя. Действительно, что может гарантировать интересы кредиторов умершего должника больше, чем присоединение к обязательству правопреемника в качестве дебитора?

Первым на проблемную законодательную новеллу среагировал правоприменитель в лице Верховного Суда Российской Федерации, установив в пункте 48 постановления Пленума Верховного Суда РФ от № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» исключительно процессуальный статус наследников: должниками по смыслу закона о банкротстве они более не являются. Дополнительно, в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам от 29.03.2021 № 305-ЭС18-3299 и от 23.03.2023 № 305-ЭС22-13478 сформировался подход о том, что процедура банкротства в случае смерти гражданина называется «банкротством наследственной массы» и осуществляется так, как если бы наследодатель был жив. Преобладать такая позиция начала и в доктрине [\[1\]](#)[\[2\]](#)[\[3\]](#).

Вновь получается довольно разобщённая картина: если сверхзадолженность отсутствует, должником в пределах наследственной массы является наследник, но в случае обнаружения таковой – умерший гражданин. Каким образом в таком случае преодолевается императивная норма пункта 2 статьи 17 ГК РФ о прекращении правоспособности гражданина его смертью? Почему наследник, обладающий наследством с момента его открытия на основании с пункта 4 статьи 1152 ГК РФ, «выбывает» из отношений с кредиторами наследодателя? И на каких основаниях происходит так называемая «сепарация» имуществ – личного и унаследованного?

Особенно остро приданье правосубъектности гражданину после его смерти и переложение на наследников неограниченных долгов наследодателя на наследников проявляется в практике. Например, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 24.06.2025 № Ф09-2173/25 по делу № А60-1572/2024 рассматривался вопрос о допустимости прекращения процедуры несостоятельности умершего на основании погашения требований в реестре кредиторов третьим лицом. Суд кассационной инстанции, ориентируясь на вышеупомянутый подход Верховного Суда, а также доктринальные подходы, отменил судебные акты, которыми данная процедура была прекращена. Выводы суда, несмотря на то что де-юре должником является умерший, мотивированы в том числе и тем, что имущественные притязания третьего лица к должнику теперь могут быть предъявлены к его наследникам. Отдельной особенностью дела является то, что конкурсная масса сформирована финансовым управляющим в размере, троекратно превышающем размер включенной в реестр требований кредиторов задолженности.

Другим примером, демонстрирующим трудности в надлежащем толковании норм

наследственного права применительно к ситуации несостоительности является оспаривание отказа от наследства [4, с. 182-199]. Так, в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.02.2023 № Ф01-8559/2022 по делу № А82-5996/2020 действия наследника по отказу от наследства были признаны недействительными ввиду причинения таковыми вреда кредиторам, несмотря на правило об ограничении ответственности правопреемников стоимостью наследственной массы.

Таким образом, закон существует в отдельной реальности от практики его применения и доктрины. Вопрос о формировании надлежащего понимания о роли фигуры наследника в процедуре несостоительности гражданина в случае его смерти с учётом принципа ограниченной ответственности по долгам наследодателя является актуальным ввиду несогласованности обозначенных подходов. Отдельно стоит отметить, что термины «наследственная масса», «наследодатель» и «умерший гражданин» употребляются далее по тексту статьи не для обозначения в качестве правосубъектных образований.

Модели наследования

Для последовательного изложения статьи требуется определить цель процедуры несостоительности гражданина в случае его смерти. Решение поставленной задачи возможно лишь посредством определения характера взаимодействия наследственного права и законодательства о банкротстве, определив существующую модель наследственного преемства в России.

В начале следует оговориться, что, к сожалению, мнения учёных в отношении самых базовых понятий и конструкций, используемых в российском наследственном праве, на сегодняшний день остаются разрозненными. Научный консенсус как в отношении содержания наследственного правоотношения [5, с. 65-66][6, с.18-37], так и характера ответственности наследника по долгам наследодателя [5, с. 185][7, с.14], далёк от формирования. Соответственно, при рассмотрении любых элементов наследственных отношений следует максимально осторожно оперировать специализированной терминологией, а для более точного обоснования позиций использовать историко-правовой метод.

Также нельзя не отметить, что в странах Западной Европы вовсе констатируется отсутствие научного интереса к наследственному праву, которое исчезает из числа обязательных курсов для студентов-юристов соответствующих стран [8, с. 230-232]. Однако сравнительно-правовой метод позволяет описать подход отечественного законодателя более конкретным способом, что обуславливает применение компаративистики к изучению наследования в рамках настоящей статьи.

Итак, универсальное правопреемство по причине смерти может регулироваться двумя способами: посредством прямого (континентальные правопорядки, например, Германия) и опосредованного правонаделения (страны общего права, например, Англия) [9].

Первый подход подразумевает отсутствие временного периода на вступление в наследство, поскольку наследник заменяет фигуру наследодателя во всех отношениях сразу после открытия наследства [10, с. 192-210]. Правопреемнику лишь предоставляется возможность отказаться от наследования до истечения шести недель с момента смерти наследодателя (§ 1944 Гражданского уложения Германии); пока данная воля не выражена, наследник считается принявшим наследство [11, 585-586].

Второй подход, воспринятый странами общего права, воплощается в простой формуле:

«Наследник является получателем ликвидационного остатка после расчётов с кредиторами наследодателя» [9, с. 328-329]. Преемство происходит лишь в имуществе умершего. Значит, если после смерти у гражданина остались только долги, то правопреемник не получит ничего.

Вероятно, причиной существования указанных особенностей наследования явилось разное отношение правовых систем к рецепции римского частного права из кодификации Юстиниана.

Одной из ключевых проблем, вызываемых фактом смерти, на которую обратили внимание римляне, является объём переходящих по наследству долгов. В отличие от статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации, установившей ограничение ответственности наследников стоимостью наследственной массы (*cum viribus hereditatis*), в римском праве наследник нёс неограниченную ответственность и отвечал всем имуществом, в том числе личным (*pro viribus hereditatis*) [13, с. 5]. Получается, что при вступлении в наследство, которое происходило *ipso iure*, существовала презумпция автоматического смешения наследства с личным имуществом наследника. Поэтому в распоряжении правопреемника находились инструменты ограничения ответственности, позволявшие составить описание перешедших объектов и избавиться от чужих долгов [13, с. 21-26].

Возможно, данная форма перехода имущественных обязанностей была обусловлена тем, что должник при возникновении долговых отношений получал часть личности кредитора [13, с. 179-180]. Значит, когда после смерти личность должника переходила на наследников, они обязывались отвечать по долгам умершего всем своим имуществом, как и наследодатель.

Немецкий правопорядок, вслед за подходом римлян, похожим образом ставит во главу угла интересы кредиторов, которые не должны страдать от случайного события в виде смерти должника, поскольку «*der Gläubiger ist der erste Erbe*» («кредитор – первый наследник») [9, с. 330]. Наследник в такой концепции становится фиктивным дебитором, как бы отправляющим волю наследодателя. То есть, он обязан осуществить полноценное имущественное предоставление кредиторам наследодателя даже при несостоятельности умершего [14, с. 261-262]. По этой причине в Германии также закреплена неограниченная ответственность наследника с возможностью её лимитации посредством установления режима управления наследством или составления всё той же инвентарной описи [15, с. 1184-1185].

Англичане же следуют цели изложенного подхода, но другими средствами, вводя фигуру «*personal representative*» (личный представитель). Это специальный орган, осуществляющий все полномочия умершего в отношении полученной им наследственной массы и проводящий расчеты с кредиторами [9, с. 328-329]. В такой концепции наследник устраняется от управления наследством и какой-либо персональной ответственности.

Отечественный правопорядок, в свою очередь, закрепил смешанную модель универсального правопреемства, сочетающую признаки двух указанных подходов: опосредованная передача наследства правопреемнику посредством нотариального удостоверения факта вступления в наследство сопряжена с переходом на наследников долгов наследодателя с ограничением в виде стоимости наследства. Значит, и смешения унаследованного имущества с личным не происходит: нотариус обязан установить

наследственное имущество, а не сам правопреемник. Представляется, что такой порядок появился ввиду специфичного понимания наследственного правоотношения.

Право наследования является необходимым правовым средством для обозначения субъектов, преемствующих в имуществе, а остальные вопросы, в том числе связанные с управлением наследством, погашением долгов умершего, погребением, решаются иными, сопутствующими наследственному процессу, инструментами. Нельзя не согласиться с тем, что «если бы наследственное правоотношение не возникало, то замена субъекта в правоотношениях в случае смерти осуществлялась бы *ipso iure*» [4, с. 12], а правопреемство сводилось к полноценному замещению личности наследодателя персоной наследника и, следовательно, вело к неограниченной ответственности по долгам умершего.

Соответственно, для разрешения противоречия, возникшего по причине закрепления в части третьей ГК РФ и Закона о банкротстве разных моделей регулирования наследования, необходимо внести изменения в абзац первый пункта 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве, сформулировав его следующим образом:

«Права и обязанности в деле о банкротстве гражданина в случае его смерти или объявления умершим, по истечении срока, установленного законодательством Российской Федерации для принятия наследства, осуществляют вступившие в наследство наследники гражданина с учётом положений об ограничении их ответственности, установленных гражданским законодательством».

В этой связи стоит предположить, что термин «ответственность» используется в заголовке статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации по отношению наследников к обязательствам умершего используется не случайно. Стоимость наследства, определяемая на момент его открытия, очерчивает предел удовлетворения кредиторов из этой части имущественной сферы наследника, исключая саму возможность получения изначального предоставления, особенно в условиях несостоятельности. Значит, этой законодательной нормой в силу, отсутствия смешения наследственного и личного имущества, на наследника возложена первоочередная обязанность постмортального погашения обязательств наследодателя, исходя из стоимости наследства. Это хотя бы как-то ограничивает его собственнический произвол и гарантирует соблюдение прав кредиторов.

Цели регулирования несостоятельности умершего гражданина

С учётом выявленной модели наследования, накладывающей «ликвидационную» обязанность на наследника, должна формулироваться и цель процедуры. Для этого необходимо обратиться к доктрине, на текущий момент не имеющей самостоятельного специализированного исследования, покрывающего собой все аспекты банкротства в случае смерти гражданина. Существуют лишь упомянутые во введении отдельные работы, освещдающие взгляд исследователей на общую картину данной процедуры. Однако наиболее интересной позиция представляется позиция Татьяны Петровны Шишмаревой, изложенная в докторской диссертации на тему «Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии».

Учёный указывает, что «цель процедуры несостоятельности наследственной массы иная, чем в Германии, её можно, на наш взгляд, определить как соразмерное удовлетворение требований кредиторов наследодателя» [14, с. 269]. Вместе с тем данная формулировка полностью совпадает с целью процедуры, определённой далее по отношению к

немецкому праву [14, с. 262].

Как видно, наследник вновь оказывается «не у дел», несмотря на то что для определения цели банкротной процедуры нельзя не учитывать его материально-правовое положение. У самих наследников не просто должна быть возможность исключить из конкурсной массы имущество, необходимое для обеспечения их жизнедеятельности. Законодатель предусмотрел также случаи перехода к ним прав при наследовании без универсального преемства, о существовании которого в разных исторических обстоятельствах писали, в частности, А. Л. Фрейтаг-Лоринговен [16, с. 83-91] и Б.Б. Черепахин [17, с. 424-428], что является основанием для наделения их правом на обращение в суд с соответствующим ходатайством.

Кроме того, в конкурсную массу не может быть включено имущество обязательных наследников и единственное пригодное для наследников должника жильё (пункт 7 статьи 223.1 Закона о банкротстве). Строгая формулировка нормы в Законе о банкротстве не исключает иных ситуаций, поскольку в законодательстве встречаются и иные случаи правонаделения без преемства (сингуллярного наследственного правопреемства). Примером может послужить статья 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Судебная практика, связанная с объёмом наследственного преемства, также придерживается позиции о том, что правопреемники вместе с правами на имущество наследодателя и его обязанностями приобретают иммунитет отдельных вещей от взыскания (пункт 51 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025).

В этой связи для возвращения наследников на орбиту процедуры банкротства наследодателя задача современного российского наследственного права видится в создании наиболее благоприятного режима осуществления прав субъектами наследственного правоотношения [4, с. 268]. Значит, и состояние неплатёжеспособности умершего не исключает наследника из универсального правопреемства.

Иностранный доктрина тоже уделяет внимание вопросам статуса наследников при определении целей регулирования института наследования. Ян Петер Шмидт в монографии, посвященной процедурам ликвидации наследства (*Nachlaßabwicklung*), обращает внимание на две функции нынешнего наследственного права в сравнительно-правовом аспекте – миротворческую (*Befriedungsfunktion*) и стабилизирующую (*Stabilisierungsfunktion*). Так, миротворческая функция состоит в обеспечении правопорядком осуществления прав в постмортальный период кредиторами и наследниками в целом. Стабилизирующая функция отвечает за достижение справедливого баланса интересов указанных лиц в рамках конкретного правоотношения [18, с. 140-141]. Соответственно, для решения вопросов банкротства гражданина в случае его смерти, эти функции должны находить свою реализацию.

Значит, с позиций современного отечественного частного права, *правильнее видеть главной целью банкротства в случае смерти гражданина справедливое распределение наследства между наследниками и кредиторами наследодателя*. Именно такой взгляд позволяет указать, что фигура наследника, осуществляющего права в отношении имущества умершего, имманентно присуща самой процедуре.

Ограничение ответственности наследников в процедуре несостоятельности наследодателя

Обозначенная цель напрямую влияет на системное толкование норм наследственного права и Закона о банкротстве. Указанные во введении догматические подходы к пониманию исследуемой процедуры несостоительности в виде замещения личности наследодателя наследником с целью вменения неограниченной ответственности правопреемнику или «фингирования» позиции наследодателя не способны достичь равномерного распределения наследства между всеми заинтересованными лицами. Кроме того, интуитивно кажется неправильной ситуация, при которой в процедуре реализуется перешедшее к наследнику имущество, но при этом сам он подпадает под контроль кредиторов.

Неспроста Григорий Федорович Дормидонтов полагал, что «..*Наследство существует для наследника, а не наследник для наследства*» [18, с. 1-20]. И Лев Аристидович Кассо также считал, что самим фактом ограничения ответственности наследуемое имущество обособляется *ipso iure*, и инструменты для её последующей лимитации не нужны [19, с. 291, 296, 297]. Видится, что в основе существующего принципа ограничения ответственности при приобретении унаследованного имущества лежат именно эти слова.

Получается, что для формирования последовательной концепции реализации принципа ограниченной ответственности в банкротстве умершего необходимо объединить несколько моментов: отсутствие «автоматического» слияния личного и наследственного имущества в обладании правопреемника (1), необходимость справедливого распределения последнего в ходе процедуры (2) и личность самого наследника (3).

Решение поставленной задачи возможно лишь в случае *признания наличия в обладании правопреемника двух несмешивающихся имущественных масс – личной и наследственной*. В отношении каждой из них наследник обладает всей полнотой распорядительной власти с момента вступления в наследство, а значит, исключается вынесение его интересов за пределы процедуры.

Отечественный законодатель допускает наличие двух имущественных масс у одного лица и в других ситуациях. Помимо упомянутых выше имущественных иммунитетов, например, в статьях 34 и 36 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливается схожий режим сообладания разными имущественными массами каждым из супругов – личной и общей совместной. Поскольку само по себе обособление конкретной имущественной массы не означает создание лица, имеющего правоспособность.

Подобный правовой режим, подразумевающий материально-правовое разделение прав субъекта на разобщённые сферы влияния, слабо изучен в отечественной доктрине [21]. В частности, Е.А. Останиной предпринята попытка его осмысления применительно к российскому праву, в особенности, к ситуации несостоительности наследства. Так, учёный предполагает, что «при наследовании в общем порядке, без процедур банкротства, обособление наследства не требуется ... даже в том случае, если всё входящее в состав наследства уже потреблено или смешано с имуществом наследников» [22, с. 54].

Но каким образом обособление не происходит, если на основании абзаца второго пункта 1 статьи 1162 ГК РФ возможна выдача свидетельства на отдельные части наследства? Что это означает, как не априорное обособление имущества без возможности его смешения? Разве законодатель, устанавливая шестимесячный срок для принятия наследства, не предполагает возможность обращения к нотариусу для целей установления имущественного состояния умершего?

Подобная позиция вновь возвращает к вопросам о допустимости понимания ответственности наследника как неограниченной, а также к восстановлению правоспособности умершего гражданина при его несостоятельности. Однако ставит важную проблему: если наследник обладает всей властью по отношению к наследству, как защитить кредиторов наследодателя от его оппортунизма? Поэтому вывод автора настоящей статьи об обладании наследником личным и наследственным имуществом на основании ограничения ответственности с момента принятия наследства требует дополнительного обоснования.

Во-первых, существование нескольких имущественных масс в обладании наследника по российскому праву защищает не только правопреемника, но и кредиторов наследодателя, строго определяя имущество, за счёт реализации которого они получают преимущественное удовлетворение. В то время как при последовательном проведении действующих концепций допускалась бы конкуренция кредиторов умершего и его правопреемника. Значит, личные кредиторы наследника приобретают лишь потенциальную возможность удовлетворения их требований за счёт унаследованного имущества.

Кроме того, в случае признания наследника банкротом по заявлению его верителя, финансовый управляющий обязан будет вести два реестра требований кредиторов, а если процедура несостоятельности вводится в случае смерти наследодателя – один. Представляется, что иная, менее обоснованная, позиция о сепарации данных процедур в банкротстве наследника закреплена в пункте 13 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа № 2/2023 от 27.10.2023.

Во-вторых, только параллельное сообладание разным имуществом позволяет обосновать сохранение прекращения при наличии между наследодателем и наследником договорных отношений взаимных обязательств в силу совпадения должника и кредитора в одном лице (конфузии). Часть третью ГК РФ стоит дополнить правилом о том, что взаимные обязательства этих лиц становятся натуральными и закрепляются в наследственной массе, не сливаясь с имуществом наследника за счёт эффекта обособленности ценности наследства [23]. Они восстанавливают силу лишь после расчётов с кредиторами умершего, а при его несостоятельности – субординируются, если наследник доказывает отсутствие аффилированности. Иной вывод позволял бы наследнику автоматически на законных основаниях производить уменьшение наследственной массы на размер требований наследодателя к нему ввиду самого факта наследственного преемства или лишал бы наследника возможности обратиться с заявлением о включении своего требования в реестр кредиторов наследодателя.

В-третьих, в случае неисполнения обязанности по первоочередному погашению долгов наследодателя и наличии факта отчуждения имущества умершего, наследник будет отвечать замещающими само наследство активами в силу суррогации (сохранения возможности обращения взыскания на объект при изменении его природы или характеристик) [24]. Таким образом, в случае причинения вреда кредиторам они смогут на основании статьи 1064 ГК РФ претендовать на возмещение из имущества наследника и, как следствие, получат право признавать банкротом уже его.

В-четвёртых, «сепарация» в случае признания умершего банкротом при наличии личной и наследственной массы в обладании наследника не происходит, она наступает ввиду факта вступления в наследство. Отсутствие фикции восстановления правоспособности наследодателя позволяет более последовательно разрешить приведённые во введении

ситуации.

Так, в деле о прекращении процедуры банкротства умершего ввиду погашения требований реестра третьим лицом личная ответственность наследников не наступает. Новый кредитор лишь заместил существовавшие требования к наследодателю, выкупив их у иных лиц. Ограничение ответственности стоимостью наследственного имущества не исчезло, что в условиях превышения стоимости наследства над размером обязательства кредитора не может служить основанием для продолжения рассмотрения дела. Равным счётом, при невозможности обращения взыскания кредитором наследодателя на личное имущество наследника оспаривание отказа от наследства не имеет практической значимости.

Главный вывод состоит в том, что законодательное ограничение ответственности позволяет определить субъект, который признаётся несостоятельным в банкротстве гражданина в случае его смерти. *Должником и ключевой фигурой процедуры является наследник, выражаящий собственные интересы и «как бы» интересы наследодателя.* Соответственно, финансовый управляющий может, благодаря такому пониманию роли наследника, и оспаривать сделки умершего с третьими лицами по конкурсным основаниям, и осуществлять реализацию унаследованного имущества с учётом интересов конкретного лица, и обжаловать судебные акты в экстраординарном порядке от имени правопреемника, а сам наследник впоследствии освободится от долгов наследодателя.

Выводы

Таким образом, действующий закон наиболее системно толкуется не в соответствии с подходами, преобладающими в доктрине и практике, а с учётом принципа ограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя и установления цели исследуемой процедуры. В отношении высказанных суждений, оппонирующих проанализированному мнению, можно возразить, что при отстаивании в работе точки зрения, защищающей консерватизм действующего регулирования, не особо учитывается поведение самих наследников.

Но частное право в своей сути – это идеалистичный концепт, функционирующий на базе представлений о должном поведении субъектов гражданского оборота. Обозначенная цель процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина – справедливое распределение массы между наследниками и кредиторами наследодателя – как раз служит для установления меры должного. То есть, отклонение от неё посредством преимущественного удовлетворения интереса любого лица, участнико го в процедуре, может служить основанием для реакции правопорядка в виде приведения отношений в состояние баланса. Восстановлением справедливости должна заниматься и доктрина, в идеале предлагающая усовершенствовать действующий механизм правового регулирования, например, посредством расширения суррогации на случаи совершения наследниками действий во вред кредиторам.

Поэтому на основе изложенных подходов для формирования понимания о наследнике как о ключевой фигуре в банкротстве гражданина в случае его смерти можно сформировать следующие выводы.

1. Возможное обращение законодателя к неограниченной ответственности наследников при формулировании норм о несостоятельности в случае смерти гражданина не выглядит достаточно обоснованным и не согласуется с материально-

правовым статусом наследников, установленным Гражданским кодексом Российской Федерации. В этой связи предлагается корректировка нормы абзаца первого пункта 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве, предполагающая констатацию лимита ответственности наследников по долгам наследодателя в условиях его неплатёжеспособности.

2. Интересы наследника в процедуре несостоятельности в случае смерти гражданина могут быть учтены лишь с признанием того, что с момента принятия наследства правопреемник обладает двумя несмешивающимися имущественными массами – личной и наследственной. Цель процедуры несостоятельности умершего в виде справедливого распределения наследства между наследниками и кредиторами наследства в совокупности с принципом ограничения ответственности правопреемника по долгам служат основанием для такого вывода.
3. «Сепарация» имущественных масс также наступает с момента вступления в наследство, а не введения процедуры в отношении имущества умершего. Признание в данном случае наследника настоящим должником и при неплатёжеспособности наследодателя, ответственность которого ограничена размером наследства, исключает применение правовой фикции в виде «восстановления» правоспособности скончавшегося гражданина и конкуренцию кредиторов имущественных масс.
4. Кроме того, обосновленность имущественных масс позволяет обосновать сохранение договорных отношений между наследником и наследодателем, что также требует корректировки действующего закона. Закрепления требует правило о том, что при обычном наследовании к таким обязательствам применяется фикция временной натурализации на период, в течение которого проводятся расчёты с кредиторами. В случае же несостоятельности, обязательства натуральными не считаются, но могут субординироваться на основании опровергимой презумпции тесной связи между правопреемником и умершим.
5. Определение лимита ответственности наследника стоимостью наследства не исключает возможность обращения кредиторов с иском о возмещении вреда, причинённого действиями наследника, направленными на сокрытие унаследованного имущества или его отчуждение. Подобное понимание позволяет преодолеть объектный подход к пониманию наследства за счёт обращения к суррогации

Библиография

1. Фролов, И. В. Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: дис. ... д-ра юридических наук. Москва, 2023.
2. Файзуллин, Р. В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии: диссертация ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2022.
3. Суворов, Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023.
4. Егоров, А. В. Конкурсное оспаривание отказа от принятия наследства: дьявол в деталях // Цивилистика. 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 182-199.
5. Ходырева, Е. А. Право наследования в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. С. 5-8.
6. Казанцева, А. Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2015.
7. Сватеева, О. А. Ответственность наследников по долгам наследодателя: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2007.
8. Циммерман, Р. Формы завещания: "воля законодателя" или выражение правовой культуры? // Вестник гражданского права. 2017. № 1. С. 227-271.

9. Schmidt, J. P. Transfer of Property on Death and Creditor Protection: The Meaning and Role of "Universal Succession" // Nothing So Practical As a Good Theory. Edinburgh, 2017. P. 323-337.
10. Гонгало, Ю. Б., Михалев, К. А., Петров, Е. Ю., Путинцева, Е. П. Основы наследственного права России, Германии, Франции. М.: Статут, 2015.
11. Бергманн, В. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. М.: Волтерс Клувер, 2008.
12. Rohlf, S. Die Rechtsfolgen der beschränkten Erbenhaftung für die Gläubiger des Erblassers im antiken und mittelalterlichen römischen Recht. Hamburg, 2002.
13. Дождев, Д. В. Правовое общение: опыт римского права. // Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву. Том 1. Статут, 2021. С. 140-204.
14. Шишмарева, Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022.
15. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter, 2008.
16. Фрейтаг-Лоринговен, А. Л. Вступление наследника в обязательства и права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1905.
17. Черепахин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. Москва: Статут, 2020.
18. Schmidt, J. P. Itinera hereditatis: Strukturen der Nachlassabwicklung in historisch-vergleichender Perspektive. Hamburg: Mohr Siebeck, 2022.
19. Дормидонтов, Г. Ф. Об ответственности наследников по обязательствам оставителя наследства. Казань: В университетской типографии, 1881. Вып. I.
20. Кассо, Л. А. Преемство наследника в обязательствах наследодателя. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1895.
21. Михалев, К. А., Петров, Е. Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25-39.
22. Останина, Е. А. Имущественная обособленность физического лица и связанные с нею последствия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48-74.
23. Wacke, A. Die Konfusion: Schuldtilgungsgrund oder nur Ausschluss der Klagbarkeit? Zur Vornahme der Erfüllung mit sich selbst // Perspektiven des Privatrechts am Anfang des 21. Jahrhunderts: Festschrift für D. Medicus zum 80. Geburtstag am 9. Mai 2009 / hrsg. von V. Beuthien. Köln: Carl Heymanns Verlag, 2009. S. 543-587.
24. Зикун, И. И. Конкурсная суррогация // Сборник статей к 20-летию закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского закона о банкротстве // Национальная ассоциация по банкротству и управлению проблемными активами "Банкротный клуб". 2023. С. 56-75.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, роль наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Отечественное право за последние сто с небольшим лет пережило массу потрясений, продиктованных в первую очередь внешними факторами: революциями в Императорской России, экономическими трансформациями в их результате, а также последующим восстановлением рыночных отношений обмена в результате распада СССР. В этой связи многие институты частного права прошли через неоднократные ревизии законодательного и научного характера. Наследственное право, а также правовое регулирование несостоятельности, эти изменения стороной не обошли [1, с. 466-474][2, с.124-135][3]. Сказать, что на протяжении обозначенного периода времени отечественная академическая наука оставила такое социально значимое явление как наследование без внимания, нельзя [4, с. 5-8], хотя в силу исторических обстоятельств отдельные вопросы исчезали из поля зрения науки. В этой связи с сожалением приходится отмечать крайнюю разрозненность позиций учёных в отношении самых базовых понятий и конструкций, используемых в российском наследственном праве. Научный консенсус, как в отношении содержания наследственного правоотношения [4, с. 65-66][5, с.18-37], так и по вопросу характера ответственности наследника по долгам наследодателя [4, с. 185][6, с.14], далёк от формирования. Соответственно, при рассмотрении любых элементов наследственных отношений следует максимально осторожно оперировать специализированной терминологией, и учитывать объективные исторические особенности нашего правопорядка [7, с.359-360]. Нельзя не отметить, что зарубежные исследователи вовсе констатируют отсутствие научного интереса к наследственному праву [8, с. 230-232]" и др.; "Особенно остро обозначенные теоретические разнотечения проявляются при попытке найти точки соприкосновения разнородных гражданских правоотношений. Например, с учётом нововведений, связанных с принятием поправок о несостоятельности граждан в 2015 году, в статье 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) вновь появилась возможность вводить процедуры банкротства в отношении умерших лиц. Регулирование такого вида несостоятельности без корректного представления об особенностях наследования невозможно, так как судьба и объём несостоятельного наследства, правовой статус кредиторов и наследников, формы реализации прав субъектов, участвующих в наследственном правоотношении, для проведения надлежащей процедуры крайне важны". Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Специализированного исследования, покрывающего собой все аспекты банкротства в случае смерти гражданина, в отечественной доктрине нет. Существуют лишь отдельные работы, освещающие взгляд исследователей на общую картину данной процедуры [20] [21][22][23]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Соответственно, Верховный Суд, вероятно, сузил объём данной нормы до чисто процессуального понимания статуса наследников в процедуре несостоятельности умершего, временно решив проблему чрезмерной ответственности правопреемников, имеющуюся в несогласованном нормативном материале. Почему временно? Дело в том, что такая категория частного права как «должник» в полной мере не описывает всю сложность ситуации, включающей в себя, не только постмортальное регулирование обязательств, но и отношения по приобретению права собственности, исключительных прав, возможности защиты отдельных неимущественных благ наследодателя наследниками. Поэтому нетрудно предположить, что через процедуру банкротства, вводящуюся в случае смерти гражданина, законодатель отдает предпочтение интересам кредиторов над интересами наследников и по обозначенным вопросам. Данное понимание кажется в корне неправильным для процедуры банкротства, в котором реализуется лишь

перешедшее к наследникам имущество, а личность наследодателя не подпадает под контроль верителей. За это боролись дореволюционные цивилисты, в том числе Григорий Федорович Дормидонтов, считавший, что «...Наследство существует для наследника, а не наследник для наследства» [18, с. 1-20]. В основе принципа ограничения ответственности при приобретении унаследованного имущества лежат именно эти слова. Таким образом, вывод о том, что действующее законодательство о несостоятельности гражданина в случае его смерти во главу угла всё же ставит отношение наследования, видится обоснованным; "При сопоставлении российского и немецкого права основным отличием упомянутой процедуры выступает как раз ответственность наследников по долгам наследодателя. В статье 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплен принцип абсолютной ограниченной ответственности наследника по российскому праву, которая исчерпывается стоимостью наследства. Соответственно, наследник до введения процедуры обладает двумя не смешивающимися имущественными массами – личной и наследственной. В отношении последней у наследника по российскому праву существует обязанность по ее ликвидации посредством расчетов с кредиторами [26, с. 291], схожая с обязанностью личного представителя в Англии. Значит, неадаптированное применение регулирования, закрепляющего сепарацию масс не с момента вступления в наследство, а с момента введения конкурсных процедур, потребовало бы пересмотра ответственности наследников, что вряд ли может считаться подходящим предложением для отечественного правопорядка"; "В этой связи с точки зрения современного отечественного частного права правильнее видеть главной целью банкротства в случае смерти гражданина справедливое распределение наследства между наследниками, как универсальными правопреемниками, и кредиторами наследодателя. Именно такой взгляд позволяет указать, что фигура наследника, осуществляющего права в отношении имущества умершего, имманентно присуща самой процедуре"; "Самый главный вывод в отношении изложенного выше состоит в том, что определение надлежащего субъекта, который признаётся несостоятельным в банкротстве гражданина в случае его смерти, не завязано на самой процедуре, на сегодняшний день не учитывающей весь объём перешедшего к наследнику имущественного комплекса. Суть его статуса в банкротстве состоит в отправлении интересов должника, коим он и вне процедуры является. Соответственно, финансовый управляющий сможет с учетом позиции наследника, и оспаривать сделки наследодателя с третьими лицами по конкурсным основаниям, и осуществлять реализацию унаследованного имущества с учётом интересов конкретного лица, и обжаловать судебные акты в экстраординарном порядке от имени правопреемника, а сам наследник впоследствии освободится от долгов наследодателя. Соответственно, о сепаратном конкурсе при наличии личной и наследственной массы в обладании наследника говорить не приходится, что отмечалось ещё в дореволюционной литературе [26, с. 296, 297]. Сам факт ограничения ответственности наследника по закону свидетельствует о «как бы» конкурсном характере наследственного преемства, и дополнительная сепарация становится излишней" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует роль наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков

формального характера.

Так, автор пишет: "Сказать, что на протяжении обозначенного периода времени отечественная академическая наука оставила такое социально значимое явление как наследование без внимания, нельзя [4, с. 5-8], хотя в силу исторических обстоятельств отдельные вопросы исчезали из поля зрения науки" - "Сказать, что на протяжении обозначенного периода времени отечественная академическая наука оставила такое социально значимое явление, как наследование, без внимания, нельзя [4, с. 5-8], хотя в силу исторических обстоятельств отдельные вопросы исчезали из поля зрения науки" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Подобное построение нормы свидетельствует о том, что законодатель при конструировании специального регулирование придерживался немецкой модели наследования" - "регулирования" (опечатка).

Автор указывает: "основе принципа ограничения ответственности при приобретении унаследованного имущества лежат именно эти слова" - "имущества" (опечатка).

Ученый пишет: "Далее, автор, определяя надлежащего должника для российской процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина, применяет юридическую фикцию для того, чтобы поставить наследника на место наследодателя [20, с. 272]" - "Далее автор, определяя надлежащего должника для российской процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина, применяет юридическую фикцию для того, чтобы поставить наследника на место наследодателя [20, с. 272]" (см. на опечатку и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Инициалы ученого в тексте статьи ставятся перед его фамилией (см.: "Шишмарева Т. П.").

Библиография исследования представлена 30 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, нормативными материалами), в том числе на английском и немецком языках. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Т. П. Шишмарева), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Определение статуса наследника как полноценного универсального правопреемника, но с признанием его в банкротстве наследства в качестве фиктивного должника противоречит пониманию обязательства как долга и ответственности в российском праве, а также не учитывает принцип ограниченной ответственности наследника по долгам наследодателя. 2. В настоящей статье предложено качественно новое понимание статуса наследников в процедуре банкротства гражданина в случае его смерти. Отправным пунктом для определения их положения является обозначение в качестве цели процедуры банкротства гражданина в случае его смерти по российскому праву наиболее справедливого распределения наследственной массы между наследниками и кредиторами наследодателя.

3. Кроме того, сделан вывод о сосуществовании *ipso iure* в обладании наследника после принятия наследства двух имущественных масс: личной и наследственной. В отношении каждой из них наследник является полноценным обладателем прав и носителем обязанностей, причём в отношении наследства на него возлагается «ликвидационная» обязанность в виде погашения долгов наследодателя для устранения обособленности

имуществ. 4. Основанием для такого разделения имущественной сферы является закреплённый в законодательстве принцип ограниченной ответственности наследника по долгам наследодателя в размере стоимости наследства. Соответственно, несостоятельность гражданина в случае его смерти не влечёт дополнительной сепарации с имуществом наследника. 5. Имущественная обособленность двух масс предотвращает автоматическую конфузию взаимных обязательств наследника и наследодателя"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, наследственного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «О роли наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти: подход современного российского частного права» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере наследования. Особое внимание автор уделяет роли наследников в процедурах несостоятельности (банкротства) умершего.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Тема статьи является актуальной. Автор правильно отмечает, что реализация и применение юридически обеспеченной возможности введения процедур банкротства в отношении умершего гражданина имеет определенные сложности, связанные с вопросами наследования. К сожалению, действующее законодательство о банкротстве не лишено коллизий и пробелов, что обуславливает проблемы правоприменения и обосновывает необходимость дальнейших доктринальных разработок по данной проблематике.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в самой статье не сформулированы положения, которые бы указывали на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость. Большая часть статьи носит описательный характер. Автор не только не обосновывает собственную позицию по заявленной им тематике, но и в принципе ее не формулирует. На взгляд рецензента, тема не раскрыта. Материал не имеет элементов научной новизны. Автору следует обозначить свою позицию по заявленной проблеме и показать, в чем заключается его вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию шире, чем ее название, поскольку автор обращается к истории вопроса и к зарубежному опыту, хотя заявлено «подход современного российского частного права». Кроме того, название статьи нуждается в корректировке, поскольку оно не только слишком длинное, но и содержит избыточную информацию: если речь идет о наследниках, то становится понятно, что имел место факт смерти гражданина. Тема не раскрыта, несмотря на то, что автором соблюдены

требования к объему материала. Теоретические положения не проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики. Вместе с тем нельзя не признать, что статья написана научным стилем, использована специальная терминология, в том числе, и юридическая. Но некоторые выводы автора вызывают, мягко говоря, недоумение: например, «термины «наследственная масса» и «умерший гражданин» не являются синонимами». Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи формально присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение), к которым имеются замечания. Введение не отвечает требованиям, которые предъявляются к этой части научной статьи. Во введении следовало бы обосновать актуальность темы, определить предмет и методологию исследования. В основной части статьи автор приводит мнения других специалистов, но при этом не аргументирует собственную позицию. В заключении кратко представлены выводы, совершенно не отличающиеся научной новизной, которые нельзя считать результатами исследования: автор констатирует уже известные доктрине положения. Содержание статьи нуждается в существенной доработке.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет, ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа. Однако большую часть источников составляют диссертации и авторефераты диссертаций.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения корректные, оформлены ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «О роли наследников в процедурах несостоятельности гражданина в случае его смерти: подход современного российского частного права» рекомендована к доработке. Тема является актуальной, но статья не отличается научной новизной и не имеет практической значимости. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, а именно, наследственного права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина»

Предметом исследования в статье выступают правоотношения, возникающие в процессе банкротства наследственной массы при введении процедуры банкротства после смерти должника.

В процессе исследования автором применены формально-юридический и сравнительный методы.

Работа представляется актуальной, поскольку изменения в Закон о банкротстве в исследуемой части внесены в 2015 году и до настоящего времени происходит формирование и выработка основных применяемых правовых и научных позиций. К примеру, на уровне Верховного Суда РФ разъяснения по отдельным вопросам даны только в 2025 году. При этом автором правильно подмечены недостатки правового регулирования, возникшие вследствие конкуренции норм о наследовании и норм о

банкротстве умершего должника, проведены параллели относительно установленных законодателем ограничений при наследовании, которые должны быть применены вне зависимости от возбуждения процедуры банкротства, а также тех иммунитетов, которые предусмотрены в процедурах банкротства и также могут применяться универсальными правопреемниками умершего должника – его наследниками, вне зависимости от наличия или отсутствия у них собственного имущества. Сам по себе факт возбуждения дела о банкротстве в отношении имущества умершего должника не должен влиять на распределение рисков его кредиторов в сравнении с тем, если бы должник был жив к моменту возбуждения в отношении него дела о банкротстве. Однако действующее законодательство, а именно положения статьи 223.1 Закона о банкротстве в настоящее время устанавливают иное правовое регулирование, устанавливая зависимость между включением жилого помещения в конкурсную массу и наличием у наследника (а не у наследодателя, которого наследник фактически замещает в процедуре банкротства) иного пригодного для проживания жилого помещения. Таким образом, в настоящее время законодатель фактически создал преференцию для кредиторов должника, которые поставлены в лучшее положение в сравнении с тем, в каком они могли бы находиться при жизни самого должника, для которого жилое помещение, составляющее наследственную и банкротную массу, могло быть единственным. Важным представляется также вопрос о возможности оспаривания отказа от наследства в деле о банкротстве, появившейся именно вследствие введения в действующее законодательство положений о банкротстве умершего должника как реализации права кредиторов на оспаривание сделок в отношении имущества, входящего в банкротную массу, в деле о банкротстве.

Научная новизна рецензируемой статьи состоит в исследовании новых правовых позиций Верховного Суда РФ, сформированных в 2025 году, а также в сравнении применяемых в российской правовой практике моделей наследования и целей регулирования несостоятельности умершего гражданина с зарубежными. В статье представлено авторское мнение по исследуемым вопросам.

Стиль работы соответствует требованиям к изложению научных работ, статья имеет внутреннюю структуру, обеспечивающую выделение основных исследуемых вопросов, содержание статьи соответствует заявленному названию, а также предмету проводимого юридического исследования.

Библиографический список представляется достаточным, включает в себя российские и зарубежные источники, что объясняется целями исследования и применёнными автором методами.

Оппонирующие точки зрения в статье не приведены, что не снижает научной ценности, поскольку область правового интереса автора находится в правоприменительной сфере и анализ уже сформированных в судебной практике правовых позиций, а также тех вопросов, которые представляются актуальными.

По результатам проведенного исследования автором сформулированы выводы, соответствующие предмету исследования, которые представляются новыми и могут быть учтены законодателем и правоприменителем в процессе нормативного регулирования общественных отношений. Статья представляет интерес для читательской аудитории, поскольку на доступном уровне содержит разъяснения по отдельным проблемным вопросам, возникающим в правоприменительной практике.

Статья рекомендуется к публикации.